

СВИДЕТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

Год назад навсегда ушел в священную страну предков добронравный талантливый человек — писатель и странник, свидетель нашего времени Александр Степанович Ероховец. Уходя, для продолжения жизни оставил на грешной земле построенный дом, посаженное дерево, трех сказочно очаровательных дочерей. Оставил людям несколько изданных книг, вдохновенно-добротных, буквально пропитанных кристально чистым таежным воздухом и хорошо ощутимым авторским добросердечием, оставил светлую о себе память.

Каждый из нашей пишущей братии — от летописцев Древней Руси до литераторов российских третьего тысячелетия — вправе называть себя свидетелем времени, а если по большому счету, то и свидетелем эпохи. Потому вправе, что с пристрастием душевным, с большой сердечной наблюдаем состояние изменчивого мира своей эпохи и перьями творцов пытаемся придать увиденному человеческое смысло содержание на бытовом, сакральном и даже глобалистском уровне. Мы, пишущие, конкретно и образно передаем каждому новому поколению людей всю сумму накопленной мировой информации. Из рук в руки, из книг в книги. Из собственного ума в хранилища суммарного разума ноосферы. В этом наше призвание. В этом же рациональная красота мировой материи, порядка, поступательного развития цивилизации. По выражению одного из самых стойких ниспровергателей дарвинизма Николая Яковлевича Данилевского, «Бог пожелал создать красоту и для этого создал материю». То есть материя создана как бы для вящего подтверждения очевидности существования надматериального астрала. Того самого астрала, который пока сокрыт от людского до сужего любопытства. Два этих непохожих друг на друга мира разделены потоком особого времени — надвременем. Ниже условной границы существуют вполне доступные человеческому опыту временные скакуны — эпохи (геологические, исторические, культурные). Выше властвует вечность...

Издравле сильные мира сего инстинктивно чувствовали, что нам, пишущим, известно о пограничной области надвременья больше, чем

другим людям, и относились к пишущей братии не только с опасливым подозрением, но и с изрядной долей почтения. Это обстоятельство находило свое отражение в мифах и сказках. К примеру, в Древнем Египте вторым после верховного бога Ра почиталось божество по имени Тот, создавшее в Египте интеллектуальную среду: под покровительством Тота находились все летописцы, архивы, библиотеки и вся письменность вообще; жрецы называли Тота «сердцем Ра», «владыкой времени». Древние греки считали за честь отождествлять своего Гермеса, любимца богов, именно с этим египетским богом-интеллектуалом; так же превозносили интеллектуальный потенциал своего любимца Меркурия древние римляне. В популярной арабской сказке о Синдбаде-мореходе можно найти эпизод, в котором четко обозначена почетная роль пишущих в халифате. Отец Синдбада в наставлениях своему юному отпрыску произнес по этому поводу следующие слова: «Люди халифа, да благословит его аллах, бывают трех родов: люди пера, люди меча и люди прибыли». И в Древней Индии первое место в списке каст или варн занимали брахманы, сочинявшие священные гимны. Славянские просветители Кирилл и Мефодий, распространители славянской грамоты и богослужебных обрядов, были включены Православной Церковью в число святых. Их дела, думы и предрасположенное к миру людей благосердечие пережили свое время и до сих пор светят нам из вышних областей надвременья. Светят, защищают и обнадеживают. Потому защищают и обнадеживают, что каждому новому поколению людей внушают предвестие истины и пред-

ставления о величии места самого человека под небом.

*Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...*

Не знаю, можно ли отнести строки Н. А. Некрасова к любому из пишущих творцов-борцов, ибо жизнь с удручающей регулярностью показывает: мало кому даже из особенно мускулистых литературных борцов за человека удастся разглядеть в человеке брата. Александру Ерохову такое всегда удавалось. И не столько подслеповатыми глазами, постоянно скрытыми за толстыми стеклами выдавших виды очков, сколько зорко настроенной душой внимательного к повседневной жизни, вдумчивого, остро чувствующего и главное — совестливого писателя. Об этом свидетельствуют его хорошо известные читателям многочисленные книги прозы: «Весенняя черемуха», «Солнце, не падай!», «Мне нужен таежный воздух», «Забереги», «В январе на рассвете», «Поздний сенокос», «Отчая земля», «На земле, на свете этом», «Ожидание», «Други-недруги» и пока остающийся в рукописи роман детективного жанра «Черти болотные».

Автор всех этих книг Александр Ероховец был не только книжным свидетелем нашего времени — он был буквально пропитан энергетикой современной эпохи: работал корреспондентом газет, выступал на радио, ходил с гео-

логами и лесостроителями по Ангаре, Подкаменной Тунгуске, Таймыру, объездил многие труднодоступные уголки Сибири и Дальнего Востока. Принимал участие в двух тяжелых, да и просто опасных для жизни таежных экспедициях к месту падения знаменитого Тунгусского метеорита. Что это? Обычное писательское любопытство? Или нечто большее — необъяснимая тяга к познанию надвременных тайн загадочного астрала?.. Одно несомненно: во время этих экспедиций Александр учился лучше понимать свой внутренний мир и мир человека, локоть которого практически постоянно ощущался и в обычных, и в экстремальных ситуациях, — мир человека-брата. Понимание природы вообще и понимание природы внутреннего мира человека-брата стало наиболее привлекательной особенностью, индивидуальным свойством, характером литературного творчества Александра Ероховца. Понимание, умноженное на редкостную сердечную доброту и незаурядное писательское мастерство.

Таким он и ушел от нас, свидетель времени, эпохи, надвременья, наш коллега, товарищ, друг и, надеюсь, брат Александр Степанович Ероховец. Отныне ему надлежит быть свидетелем вечности...

Сергей ПАВЛОВ.

Москва.

// кр. рабочий - 2002 - н 103

«Красно